

тяжении XV в. не имели специальной печати, фиксирующей их служебное положение, и употребляли свои личные печати.

Очень четко прослеживается эволюция епископских печатей, надписи на которых в течение XIV—XV вв. менялись от простых и лаконичных к витиеватым и замысловатым рисункам вязи. Владычные печати — хороший ориентир для датировки епископских грамот.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

ПЕЧАТИ ГОРОДСКИХ КОНЦОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Кончанское устройство являлось весьма существенной чертой исторической жизни древнего Новгорода. Разделение города на концы было свойственно не одному Новгороду, существование концов известно в ряде древнерусских городов. Но нигде они не играли такой роли, как в Новгороде, засвидетельствованной не только упоминанием их в письменных источниках, но и их собственными актовными и сфрагистическими памятниками.

Внимание исследователей древнего Новгорода уже более столетия привлекают и сравнительно хорошо выяснены относительная древность известий о каждом из концов города, их расположение и границы.¹ Но известные частично с XI в., а с XII в. в полном составе, новгородские концы были не только топографическими частями большого города. Они в качестве самостоятельных единиц участвовали в разных сторонах общественно-политической жизни города и республики — дипломатической, экономической, строительной, военной.² «Новгородцы послаша на Двину даньника Даньслава Лазутинича, а с ним из конца по 100 мужь» (1169 г.);³ «Ездиша послове новгородскыя из конца по боярину в Юрьев немецкий» (1363 г.);⁴ «Послаша к великому князю Дмитрию Ивановичу новгородцы архимандрита Давида, а с ним семь попов да пять человек житых, с конца по человеку» (1386 г.);⁵ «Новгородцы взяли серебра 5000 у святей Софьи с полатаей скопления владычня Алексеева и разделиша на пять концев по 1000 на конец и иставиша костры каменны

¹ И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; С. Н. Орлов. К топографии новгородских концов. Сов. археология, 1965, № 2.

² А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. Истор. записки, т. 16, 1945.

³ ПСРЛ, V, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 229.

⁵ Там же, стр. 241.

по обе стороны острога у всякой улицы» (1391 г.).⁶ Число таких и подобных известий, попавших на страницы новгородских летописей, можно увеличить. Большинство их принадлежит второй половине XIV—XV в., периоду наиболее широкого развития кончанского уклада.

К этому же времени относится дошедший до нас актовый материал, непосредственно отразивший участие концов в общественно-политической жизни Новгорода. Здесь прежде всего надо указать грамоту Новгорода 1372 г. с наказом послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с тверским великим князем Михаилом Александровичем. Наказ послам дается, как видно из текста грамоты, от посадника Михаила, тысяцкого Матфея, бояр, житых и черных людей всего Новгорода, но в конце грамоты впервые содержится прямое указание на участие кончанской администрации в юридическом оформлении документа: «а повелеша печати приложити изо всих пяти кончев».⁷

Остальные акты, отразившие участие концов в новгородских делах, относятся к XV в.: грамота Славенского конца (не позднее 1417 г.) Саввино-Вишерскому монастырю с подтверждением прежнего пожалования землею на р. Вишере;⁸ жалованная грамота Великого Новгорода 1450 г. Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине;⁹ жалованная грамота Великого Новгорода 1459—1469 гг. Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова;¹⁰ жалованная грамота Великого Новгорода (около 1475 г.) Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз и торговлю монастырскими товарами по Двине, с судебными и другими льготами.¹¹

В четырех случаях из пяти все концы выступают в совокупности как составные части Великого Новгорода, своим участием подтверждающие согласие с постановлением общегородской власти. Один документ выдан от администрации Славенского конца. Он особенно важен, ибо свидетельствует, во-первых, о существовании кончанского землевладения вне городской территории, во-вторых, о праве кончанской администрации распоряжаться этою землею самостоятельно, вне рамок общегородской власти.

Обратимся к специально сфрагистическим вопросам, связанным с названными документами.

Юридическое оформление новгородских актов XIV—XV вв. в соответствии с особенностями государственного строя республики очень сложно. Документы скреплялись многочисленными

⁶ Там же, IV, стр. 98.

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, 1949, № 17, стр. 32.

⁸ Там же, № 91, стр. 148.

⁹ Там же, № 95, стр. 150.

¹⁰ Там же, № 96, стр. 151.

¹¹ Там же, № 101, стр. 155.

печатами «Всего Новгорода» или «Великого Новгорода», архиепископов, посадников, тысяцких, в приведенных документах — еще печатами собственно концов.¹²

Памятников новгородской сфрагистики XIV—XV вв. перечисленных категорий известно более 200, среди них печатей концов — 14. При этом в отношении последних можно сделать одно общее замечание. Как правило, во всех прочих категориях печатей количество отдельно найденных экземпляров преобладает над числом экземпляров, сохранившихся при документах. В данном случае соотношение обратное. Из 14 кончанских (или выступающих в их роли) печатей при документах дошли 12 и отдельно найдены только 2. Это обстоятельство вызывает предположение, что надеяться на значительное обогащение их фонда в будущем трудно. Рассеянных в жилом слое города этих печатей, по-видимому, мало как из-за кратковременности их существования, так и из-за отсутствия скрепляемых ими частных актов, следы которых могли бы находиться в остатках жилищ.

Общая картина истории кончанских печатей — в пределах известного их фонда — складывается так.

В XIV в. их, видимо, еще не существовало. По крайней мере при упомянутой грамоте 1372 г., в которой впервые имеется формулировка «повелеша печати приложить изо всих пяти кончев», печатей собственно концов как таковых нет. К грамоте подвешены 12 печатей, счастливо сохранившихся, кроме одной. Печати все именные, с обозначением должностей посадников и тысяцких. Как показал их тщательный анализ, 9 из сохранившихся печатей и, очевидно, 10-я (утраченная) принадлежат кончанским посадникам и тысяцким — представителям действительно «изо всих пяти кончев» (первые две — степенным посаднику и тысяцкому).¹³

Грамота начала XV в., данная Славенским концом, никакой печати не имела, хотя, казалось бы, более других требовала удостоверения кончанской печатью: Славенский конец единолично и самостоятельно подтверждает право Саввино-Вишерского монастыря на владение пожалованною ему землею.

Таким образом, представляется возможным условно судить о времени появления собственно кончанских печатей. Первый по времени документ, при котором имеется, кроме обычных печатей новгородского владыки, степенных посадника и тысяцкого, полная серия печатей пяти концов, — жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю — относится к 1450 г. Такая же серия печатей повторена при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459—1469 гг. Наконец, в третий

¹² См.: В. Л. Янин. 1) Новгородские посадники. Изд. МГУ, 1962; 2) Актовые печати древней Руси, т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. Изд. «Наука», М., 1970.

¹³ В. Л. Янин. 1) Новгородские посадники, стр. 196—199; 2) Актовые печати древней Руси, т. II, стр. 114.

раз в том же полном составе, от которого сохранились лишь следы прикрепления и 2 печати в натуре, имелась на второй жалованной грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1474—1475 гг.

Таким образом, точно известный период бытования кончанских печатей соответствует третьей четверти XV в. Но в этот сравнительно короткий промежуток времени печати концов выглядят устойчивыми. В двух сохранившихся полностью и одной частично сериях они одни и те же.¹⁴

Ближайшее рассмотрение их обнаруживает, в сущности, неожиданную вещь. Из 5 кончанских печатей только 2 имеют прямое обозначение того, что это печати концов: печати Людина и Славенского концов. Печать Людина конца на лицевой стороне содержит надпись в три строки — «ПЕЧАТЬ ЛЮДИНА КОНЦА», на оборотной стороне — изображение воина в рост, с копьем и щитом, то и другое в ободках из точек. Печать Славенского конца на лицевой стороне содержит надпись, расположенную вокруг восьмиконечного креста на подножии — «ПЕЧАТЬ СЛАВЕНЬСКОГО КОНЦА», на оборотной стороне — поясное изображение святого Павла, исповедника, в ободке из точек.

В качестве печатей остальных трех концов — Неревского, Загородского и Плотницкого — употреблены печати монастырей Никольского в Неревском конце, Никольского в Загородском конце и Антониевского в Плотницком конце, с обозначением на одной стороне названия монастыря, на другой — изображения его патрона. Печать Неревского конца в одном варианте имеет на лицевой стороне краткую надпись в четыре строки — «ПЕЧАТЬ СТГО НИКОЛЫ», а на обороте — поясное изображение святого Николая; в другом варианте — на лицевой стороне распространенную надпись в шесть строк, в точечном ободке, «ПЕЧАТЬ СТАГО НИКОЛИ ВЕЛИКОГО КОНЧА НЕРЕСКОГО», на обороте — изображение святого Николая в рост, с орнаментальными крестиками по сторонам фигуры, тоже в точечном ободке. Печать Загородского конца имеет на лицевой стороне надпись в четыре строки — «СТГО НИКОЛЫ В ЗАГОРОДСКОМ КОНЦЕ», на оборотной — поясное изображение святого Николая. Печать Плотницкого конца имеет на лицевой стороне расположенную в одном варианте вокруг шестиконечного процветшего креста, в другом — вокруг восьмиконечного креста со страстями на подножии надпись — «ПЕЧАТЬ ОНТОНОВСКАЯ», на оборотной стороне в обоих вариантах — изображение Богоматери «деисусной».

К этому можно прибавить, что из двух специально кончанских печатей печать Славенского конца по содержащемуся на ней

¹⁴ Наиболее полные их воспроизведения см.: Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVIII; В. Л. Янин. 1) Новгородские посадники, рис. 9 и 10; 2) Актовые печати древней Руси, т. II, табл. 103 и 104.

изображению прямо связана с находившимся в этом конце Павловым монастырем.

Чем объяснить факт употребления монастырских печатей в роли печатей кончанских, пока неясно. Предположение, что кончанская администрация не успела еще обзавестись собственными печатями, маловероятно. Точно известный период их употребления — не меньше четверти века — вполне для того достаточно. Новые печати других категорий — владык, посадников, тысяцких — изготовлялись по мере надобности в гораздо более короткие сроки. Да и в пределах описанных выше серий печати монастырей Никольского в Неревском и Антониевского в Плотницком концах успели сменить свои варианты. Не ощущалось особой надобности в кончанских печатях? Это предположение снимается самими дошедшими до нас актами, потребовавшими скрепления их именно этого рода печатями, притом была же специальная печать Людина конца.

Легко заметить, что в роли кончанских систематически выступали печати не любых случайных монастырей из числа находившихся на территории данного конца, а только определенных. Может быть, именно при них локализовались базы кончанской администрации? Может быть, эти монастыри были патрональными для своих концов? О последнем как будто позволяет думать формула грамоты Славенского конца, ставящая пожалованную Савино-Вишерскому монастырю землю под защиту патрона Павлова монастыря: «а кто почнет имать у чернецов вознесенских посул... ино бог на того и святой Павел». Легко по аналогии вообразить подобные же прещения в документах других концов — Плотницкого, на территории которого было немало монастырей, а он скреплял акты печатями одного Антониева: «ино бог на того и святая богородица», Неревского и Загородского: «ино бог на того и святой Никола». Наконец, может быть, эти монастыри были кончанскими в том смысле, что они были независимыми от новгородского владыки, подлежащими юрисдикции городских концов. Как бы то ни было, но связь новгородской кончанской администрации с определенными монастырями является фактом, ждущим объяснения историка.

Специальный вопрос, решение которого хотелось бы и казалось бы естественным найти в печатях концов, — вопрос о кончанской эмблематике.

Широко известны эмблемы печатей «Великого Новгорода» и некоторых его должностных лиц. Число таких эмблем при разнообразии вариантов сводится к пяти: вседержитель (или заменяющий его крест), пеший воин, всадник, зверь, птица. В литературе были попытки сближения некоторых из этих эмблем с теми или иными иностранными печатями. Новгород, конечно, никогда не жил в отрыве от внешнего мира. Типы и эмблемы печатей Византии, Западной Европы, Прибалтики были ему знакомы. Но, может быть, следует вспомнить и то, что, например, изобра-

жения зверей, птиц были исконными образами местного, новгородского искусства.

Число типов сфрагистических эмблем, соответствующее числу новгородских концов, и прослеживание определенных эмблем на печатах должностных лиц, посадников и тысяцких, связываемых с определенными концами, приводят исследователя новгородской сфрагистики к привязке отдельных эмблем к отдельным концам. Эти догадки закономерны и в известной степени обнадеживающи. К сожалению, сами печати концов, кроме одного Людина, материала для такого приурочения пока не дают.

М. Б. СВЕРДЛОВ

ИЗОБРАЖЕНИЕ КНЯЖЕСКИХ РЕГАЛИЙ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Начальный этап чекана древнерусских монет является одним из наиболее трудных вопросов русской нумизматики. Сложность изучения определяется прежде всего небольшим количеством находок монет и полным отсутствием свидетельств письменных источников, которые могли бы разъяснить вопросы, связанные с таким важным политическим и экономическим событием, как организация чекана монет в древнерусском государстве. Этими же причинами объясняется то обстоятельство, что долгое время исследователи не могли установить принадлежность древнейших русских монет, особенно златников и сребреников с надписью «Владимиръ на столѣ». Но именно атрибуция последних должна была определить, когда начался чекан монет на Руси.

Научное изучение златников и сребреников Владимира стало возможно только после находки Нежинского клада в 1852 г. В первых работах, основывающихся прежде всего на анализе Нежинского клада, монеты Владимира относились к Владимиру Святославичу и Владимиру Мономаху.¹ Иначе подошел к исследованию И. И. Толстой. Он изучил и систематизировал все известные тогда златники и сребреники Владимира, опубликовал все типы этих монет.² Основанием атрибуции И. И. Толстой избрал совершенно верный принцип датировки кладов по младшей монете.

¹ Я. Волошинский. Описание древних русских монет, принадлежащих минкабинету университета св. Владимира... Труды Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа, т. II, Киев, 1953; А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича. СПб., 1860; И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 25—26, 129—142, 168.

² И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского.